

И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА,

доктор исторических наук, профессор, почетный член Всемирной федерации исследований будущего, академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования

НОВАЯ СИТУАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Тридцать-сорок лет назад сегодняшний день казался тогдашним футурологам очень далеким будущим XXI века. И вот это будущее началось. Оно буквально вторгается в настоящее. Мы еще не осознали, что переходим в качественно новую ситуацию и продолжаем во многом жить как бы по инерции “докомпьютерных времен”. Пора просыпаться.

У меня на полке стоит уже ставший архаичным письмовник: 1969 год издания, 100 вариантов официальных писем — практически на все случаи жизни. Компьютер в состоянии дать миллионы сюжетов или рифмованных строк. Любой желающий легко скроит из этого материала привычную прозу или поэзию XX века. Это означает: чтобы стать писателем или поэтом XXI века, мало уметь сочинять. Надо суметь создать нечто такое (и по форме, и по содержанию), что выходило бы за рамки простой компьютерной игры, было бы способно заинтересовать умы и зажечь сердца новым словом в литературе.

На смену обычному телеэкрану приходит стереозэкран. И грядет голография — полный “эффект присутствия” на любом зрелище. Компьютер в состоянии не только помочь найти такое зрелище по вкусу, но и в слишком буквальном смысле обеспечить каждому желающему роль ведущего в популярной ныне телепередаче “Сам себе режиссер”. Что это означает? Только то, что режиссер и актер XXI века должны намного сильнее отличаться от своих предшественников из века XX, нежели те — от режиссера и актера сельского хора минувших веков.

Компьютер в состоянии дать перебор миллионов различных сочетаний нот. И это позволит сочинять не 159 шлягеров в год, как у нынешних рекордсменов, а 1159 или 11 159. Иными словами, качественно меняется содержание понятия “композитор”. И, возможно, понятия “музыка”.

Кто хоть немного познакомился с потенциалом компьютерной графики, не может не понять, что дни современного изобразительного искусства — и абстрактного и неабстрактного — сочтены. Чтобы стать художником XXI века, когда с помощью компьютера можно изобразить все и весьма профессионально, необходим скачок пореволюционнее, нежели тот, который отделил передвижников от авторов наскальных рисунков.

Наконец, если вы наблюдали, как ваш внук умело строит на экране виртуальный город, перебирая клавиши кейборда, вы не могли не сообразить, что тем самым сооружается гробница современной архитектуре. Чтобы выйти за рамки прорабской заурядности, доступной каждому, подлинный архитектор XXI века должен будет “придумать” нечто более впечатляющее, чем опостылевший город, умирающая деревня, привычное жилище наших времен. Словом, новое время — новые песни, новое искусство.

Как возвращать художников-творцов не вчерашнего, золотого или хотя бы серебряного века, и не сегодняшнего, бронзового (а может быть, уже и железного), а завтрашнего, компьютерного? И творцов заурядных, какими, по идее, должны стать едва ли не все наши правнуки, претендующие на звание “культурного человека”. И особенно творцов выдающихся, каких всегда были и будут единицы. В поле зрения пока всего два способа, дополняющие друг друга.

Один — постановка адекватного, как ныне принято говорить, художественного образования в школе. Начиная с детсада и кончая каждым университетом, в том числе системы общего самообразования взрослых.

Формула проста: приобщение учащихся к сокровищнице отечественной и мировой художественной культуры. Ее раскрытие подразумевает доходчивое разъяснение того, чем

отличаются: графоман, эпигон, бездарность — от таланта, гения; псевдоноватор от новатора; что такое культура и что такое антикультура. А также создание творческой атмосферы, в которой каждому было бы легко, что называется, попробовать себя в том или ином искусстве. И, главное, попытаться сказать действительно новое слово в нем.

Другой — создание клубов по интересам, где каждый потенциальный талант находил бы своего рода “питательный бульон” для своего развития. Осознание того, что кастовые “творческие союзы” и им подобные организации являются сегодня таким же анахронизмом, как и средневековые цехи. Понимание, что любая попытка делить художников на “членов” и “нечленов” или на “действительных” и “недействительных” членов, на “народных” и “ненародных” артистов (хотя сегодня все больше заведомо “антинародных”), любая попытка унижить окружающих “возвышением” себя путем ли пышных званий или побрякушек на груди есть всего лишь разновидность социально-престижной татуировки дикаря.

В конце-концов, передвижники и “Могучая кучка”, создатели Художественного театра и “Серапионовы братья” не были ни академией, ни замкнутым кастовым “союзом” с незримыми генеральскими погонами на плечах их членов. Но именно они и им подобные самодеятельные общественные организации явились “локомотивами” отечественного искусства во второй половине XIX — первой четверти XX века, в отличие от организаций, претендовавших на диктатуру ремесленного пролетариата в искусстве (типа фашистского по своей сути РАППа).

Будем надеяться, что такие творческие клубы по интересам не замедлят вырасти, как грибы после дождя. И их “родильным домом” может стать только Университет, а их “повивальной бабкой” — школьный и университетский Учитель (с большой буквы).